

18+

Клим Максимович Горновой

Птица полной луны

Клим Максимович Горновой

Птица полной луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71614558

ISBN 9785006536609

Аннотация

Эта книга рождена временем. Как все книги этого мира. Только она бесполезна. По ней не выучишься готовить или не соберешь радио. Не научишься сводить дебет с кредитом и очень вряд-ли поймёшь, как люди научились летать. Эта книга – труп альпиниста на Эвересте. Нужна только тем, кто действительно там побывал.

Содержание

Предисловие	5
Вступление	6
Гараж	9
7 способов отличить меня в толпе (или вообще лишится на это какой либо надежды. Тут уже как повезёт)	13
Поезд	16
Девочка с синими волосами	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Птица полной луны

**Клим Максимович
Горновой**

Автор иллюстрации Клим Максимович Горновой

Благодарности:

Василиса Александровна Калинин

© Клим Максимович Горновой, 2025

ISBN 978-5-0065-3660-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Больше всех на свете эта книга нужна мне. К стыду признаюсь: именно поэтому она вообще вышла в свет. Книга, в которой отражается всё то, что я чувствовал и видел, но был не в силах сказать. У всякой вещи есть своё место в мире. Мои переживания тоже этого заслуживают. Получается, будто, книга написана обо мне. Но только ли обо мне? Насколько люди далеки друг от друга, находясь в одной комнате? Это то, что я хочу выяснить. И это причина, почему эта книга должна или может быть вами открыта. Найти что-то своё в том, что я попытаюсь вам рассказать. Я осознаю, что я далёк от понимания хитросплетений чужих жизней. Зато, как никто другой, понимаю свою. И этого должно быть определённно достаточно для того, чтобы написать книгу. Для того, чтобы, не взирая на всё её великое множество недостатков, увидеть в ней то, что я действительно пытаюсь сказать. Пытался сказать. Тем, кто со мной рядом. Или тем, кто от меня уже далеко. Всем тем, кто находится со мной в одной комнате.

«Когда тебе становится грустно — выпусти в небо птицу полной луны. Она знает много историй, тебе не будет одиноко ни в одной из них. Но слушай внимательно. Ибо ни одна из этих историй никогда не повторяется дважды»

Вступление

...Светка всхлипывала, силясь успокоиться. Но не получалось, конечно же. Куда тут – даже мне было не по себе, хотя Ваньку я совершенно не знал. Только слышал, сколько народу он «на свежий воздух вытащил». Сколько из них теперь работают в архивах, в библиотеках, в других экспедициях. Даже наши о нём говорили.

«Застрял я как-то недалеко от Дзержинска, Вов, не поверишь! Что за человек! Мы с ним в автобусе встретились. Взгляд, говорит, у меня не такой какой-то был, представляешь?? Я и рассказал нехотя, устал же, как собака. А он опрятный такой, не бандит явно. Послушал, ну и к себе привёл (уговорил как-то – не помню, хоть убей), обогрел, накормил, как баба Яга. А на утро мне позвонили – нашлось горючее! Ванька говорил, просить уметь надо. Этому и учиться всю жизнь. Только он у истории спрашивает – археолог он. И иногда, говорит, она даже ему отвечает»

В голове вертелся этот его монолог, а плечо уже сточило от Светкиных слёз. Жена его бывшая. Хотя как она, прости Господи, может быть «бывшей»...?

Кто нашему брату помог – в почёте всегда, поэтому во-

просов я не задавал и терпеливо ждал, когда ей станет легче. Я в автобусе её такую поймал... Судьба, что-ль? Ну его. Прогнал эту мысль и попытался сосредоточиться на том, что действительно происходит. А происходит что-то даже грустное, но обычное. Тромб у Ваньки снесло. И Ваньку с ним вместе. Ваньке, кстати, лет сорок было... Но не поворачивается язык его Иваном назвать. Видно Света на меня так своими расказнями повлияла.

«Книга это всё его дурна-а-а-ая-я-я-я» – заливалась она – «Сидел с ней, как блаженный. И вот совсем потерялся-я-я-я»

Я совсем нахмурился. Пожалуй, для бывшей жены она черес чур уж много знает. И что сказать? Ох, не люблю я эти мелодрамы семейные. Рейс ещё скоро. Надо что-то с ней делать. Ночь обещает быть долгой. А спать за штурвалом – удел любителя.

И тут, как услышала. Она встала, выпрямилась, гордо всхлипнула и как будто спокойно сказала:

«Простите за мою слабость, я больше не буду вас задерживать»

«Вас подвезти может куда, к родственникам?» – признаться, я рад, что моя роль тут исчерпана.

Света обернулась на меня глазами, полными слёз. Она в этот момент была очень похожа на маяк, почему-то. Маяк, отражающий лунный свет, освещающий им дорогу.

«Благодарю. Мне есть, куда деться» – сказала она и всхлипнула – «Но можно попросить вас об одном одолжении? Не как потерпевший... А как женщина?»

«Говорите» – я напрягся.

«Избавьтесь от неё» – и она ушла, кивнув на прощанье мне на место, где сама только что погибала от горя.

После я лишь краем глаза заметил, что за ней кто-то приехал. Машина быстро пропала, подобрав потерпевшую.

«И дай Бог ей здоровья» – довольно не искренне заявил я, и проследовал к своей старенькой Волге. Наконец-то это закончилось.

«Стоило оно того?» – спросил я, дернув зажигание. И покосился на эту странную книжицу, похитительницу чужих судеб, взявшуюся из под земли. На обложке так и было написано: «Птица полной луны». Прямо, как я. Я усмехнулся. Почитать на досуге? Реликвия, всё-таки. Зачем добру пропадать?...

Гараж

Я проснулся так, как это часто бывает – от холода. В этих краях морозный ветерок пробирает до костей, какой бы безобидный он ни был. Он просто всегда тут, ошиваясь вокруг меня. В поговорку «вода и камень точит» нужно явно внести поправку на ветер. Я поднялся, почему-то, с пола – мог попросту свалиться с раскладушки, но каждый раз не верится. Легче поверить, что просыпаешься в ином мире, в совсем ином месте. Чем принять тот факт, что, будучи взрослым человеком, способен грохнуться с раскладушки на пол и не проснуться сразу. В моих мыслях даже, наверное, есть смысл. Однако я встал вполне выспавшимся, не взирая на деревянную боль во всём теле – не мудрено. Генератор я посадил ещё, кажется, прошлой ночью. Как-то так выходит, что заправляю я его именно по ночам: не лёгкий свет бы из са-модельного окна – кто знает, как бы я сохранял эту традицию. Хотя человек – хитрая штука. Может быть что-нибудь да придумал?

Настроение прямо располагало к неспешной деятельности, и я лениво поплелся за канистрой в другой угол, где уже, надо сказать, плескается – не плавает. Но у меня нет настроения думать об этом. Я со спокойной – что внешней, что внутренней – миной залил бензин в машину и дернул верёвку. Меня поражает то, как тихо он заводится и как гладко

бурчит. Будто я усыновил огромного кота с функцией глобальной подачи энергии. Я был ему очень благодарен за это. Вряд ли все остальные настолько покладистые.

Небольшой фонарь заморосил из верхнего крайнего угла гаража и обдал ленивым мягким желтым светом пространство. Как мотылёк. Очнулась печка, стоящая ближе к выходу. Чихнул холодильник. Чихнул я. Всё наполнилось жизнью. Я присел на коврик, перед печкой – она не пыталась делать вид, что она – костёр, но грела исправно. И на ней тоже можно было что-то шаманить: железный тазик об этом прекрасно свидетельствовал. Мне нужно было отогреть кости. Это сложнее. Так что целых полчаса я, наверное, пропялился на раскалённый цилиндр; сев уже на складном мягком стуле перед ним (иногда, такими ночами, мои ноги можно обнаружить в тазике с горячей водой, но я это так, для проформы, не ругайтесь). В такие ночи тяжело прийти в себя, потому что кажется, будто это время существует давно уже не для тебя. Когда-то, может быть, но не теперь, когда ты сидишь около раскалившейся печки, под мурлыканье генератора. И мне очень трудно иногда признать, что я действительно сейчас сижу перед ним. В чужое время реальность похожа на выдумку. Не хорошую, не плохую. Просто будто тебя здесь нет, ведь так не должно быть. Но, когда я согрелся – это ощущение немного улетучилось и я смог оглядеть своё пристанище.

«Боже, какая мерзость» – подумал я, глядя на место, в ко-

тором я живу прямо сейчас. Нет, я так не думаю в действительности. Просто оправдываюсь перед неведомым наблюдателем. И решил, всё-таки, открыть воротину. Правда, сначала одеться бы желательно хотя бы чуть-чуть... В пижаме летом терпимо даже здесь, но я же такой выдумщик... Так что снял с крючка штаны, куртку, носки, нацепил что-то очень похожее на сапоги и распахнул дверь в штанговой последовательности, выключив печку, конечно же. Свежий воздух здесь и так был, но огромная дыра среди моей квартиры, как-будто, говорила ему «теперь всех пускаю» и стало как-то заметно насыщеннее. Гараж выходил прямо на просёлочную прочную дорогу. Чуть дальше пробежала некрутая речка. Всюду свисали любопытные руки еловых ветвей. Я вышел за порог своего дома. Ночь была потрясающей. За моей спиной падал лёгкий оранжевый свет, а сверху, пробираясь сквозь синие из-за глубокой ночи деревья, падали мне на лицо, на дорогу, на стволы деревьев – брусочки лунного и звёздного света. Пару звёздочек можно было встретить даже здесь, внизу. Их было видно. В такие моменты трудно не улыбаться. Подставь музыку на эту картину, в которой есть и я тоже, и будет похоже на кадр из какой-нибудь старой комедии. Той самой, где не чурались погрузить, чтобы смеяться было легче и ближе зрителю, потому что жизнь зачастую именно такая: грустно и потому весело. Я стоял и смотрел по сторонам, представляя, как мою печальную улыбку показывают то с одной, то с другой стороны; как кадр уносит-

ся куда-нибудь вдаль и дальше обязательно что-нибудь происходит. Тут главное – не увлечься. Я отряхнулся от наваждения и, таки, включил печку, чтобы подогреть кружку с водой – хочу горячей воды. Больше ничего не хочу. И, пока я ждал, я, не переставая, пялился в этот открытый портал – ведущий наружу. Где-то затараторила ночная птица. Сложно всё воедино, неизбежно перестаёшь думать. А просто ждёшь и слушаешь. Строишь, что будет дальше.

7 способов отличить меня в толпе (или вообще лишится на это какой либо надежды. Тут уже как повезёт)

1. Если ты увидел меня – ты уже практически точно ошибся. Ты видишь не меня, ты видишь какую-то из частей меня. Позвони своему другу, который сейчас учится в Австралии, и спроси, видел ли он меня на главной площади? Он скажет, что нет, но даст описание другой колоритной персоны, так, в сущности, схожей со мной. И это тоже, практически точно, вовсе не я.

2. Не разговаривай со мной. Это лишнее. Пялиться на меня тоже не надо. Бывают разные люди: кто-то похож на картины, кто-то – на музыку, а кто-то до смешного напоминает сосну или вертолёт. А я похожа на ветер. Меня трудно услышать и непросто почувствовать. Но если у тебя один раз получится – никогда уже не отделаешься.

3. Не смотри мне в глаза. Ты там ничего не увидишь. Не потому, что там ничего нет: просто ты не умеешь. Смотреть мне в глаза – всё равно что в окно через зеркало. В зер-

кале отражается много всего, и ты тоже. А видеть нужно только окно. А ты так пока ещё не умеешь.

4. Не касайся меня. Я сама это сделаю, когда сочту нужным. Видишь, какая я хорошая? Я даже не говорю «если» и сразу перехожу к делу. Только не гордись: это всегда чувствуется, и мне не захочется тебя касаться. Касаться – это как видеть, слышать и чувствовать; только чуть-чуть по-другому. Как бесшумно войти через дверь к человеку, которого любишь. Прикоснуться к душе нельзя – это очень личное. Но мне нет дела до правил. Так что будь осторожен в тёплую июльскую ночь.

5. Не слушай меня. Мой настоящий язык когда-то давно украл один злой волшебник, которому, я точно знаю, он не прижился. Настолько он был честный и искренний. Но совсем без языка жить нельзя – и я отрастила себе новый. Только он меня совершенно не слушается и часто живёт своей жизнью. Я очень негодую из-за этого. Но когда это происходит – только тогда, может, меня и вправду следует воспринимать всерьёз. А может, и нет. Хотя иногда мой же язык даёт мне всё-таки выходной, и я говорю то, что думаю. Но вот беда: он меня совершенно не предупреждает об этом.

6. Если ты обращаешься ко мне – ты можешь не услышать ответа. Так иногда надо. Тебе, мне или для чего-то ещё – ты

не поймёшь. Я тоже – не злился на меня. Просто мне приходилось так много наблюдать, что иногда мне кажется, будто даже я что-нибудь да понимаю в делах мира. Но мне просто кажется. Я лишь смотрю в замочную скважину истины, к которой меня вежливо время от времени прислоняют – совершенно при этом не спрашивая.

7. Позови меня. Ты ведь не знаешь, как я выгляжу. Я совершенно не вредная, просто мне иногда чуть-чуть не везёт: я могу прийти по-разному. И если ты вдруг вспомнишь или подумаешь о чём-то приятном, когда ты меня позовёшь, ни с того ни с сего – это я. Если проезжающая мимо машина бросит такую невероятную, красивую тень на кроны деревьев парка – это я тоже. Если утром был плотный туман, но когда ты позвал меня, на небе стали видны звёзды, – это я. Можешь не сомневаться. Меня просто зовут всегда внезапно. Прийти лично я просто не успеваю. Меня ведь сейчас ждут. А это иногда такая ответственность.

Поезд

I.

Меня качнуло лицом в перегородку и я очнулся. Стояла, кажется, глубокая ночь. Ладно. Просто было темно. Я еле как встал и подсветил телефоном перед собой. Купе было пустое – роскошь, по нашим меркам. Так само собой получилось. Только ложка пластмассовая в чашке ходила. Туда-сюда. Туда-сюда... А за окном была настоящая метель. Мы ехали через лес – от этого пейзаж казался ещё холоднее. Я зажёл навесной фонарик над койкой. Помещение приобрело мягкий и резкий желтый свет. Стало легче дышать. И я решил, что сейчас самое время для чая. Хотя вставать не очень-то и хотелось. Но ещё меньше хотелось не делать вообще ничего. От этой перспективой веяло тем лесом, что пролетал сейчас за стеклом.

Я что-то накинул и поковылял к двери, открыл её. Ударил теплый голубой свет, который грубо смешал свет из моего купе. Будто ворвался на чужой праздник со своей музыкой. Я прикрыл дверь. Открою потом. Как-нибудь... И побрёл по коврику, ведущему к горячему бойлеру. Помимо «чучух-чучух» стояла тишина. Изредка слышался безмятежный храп. И батарея звенела. Не знаю, как это ей удавалось...

II.

Я посмотрел в окно – поле. Гигантское и белое. Как луна. Неужели иней так постарался? На улице было и впрямь холодно, градусов 20 ниже нуля. Оттуда такой волшебный голубой свет?

Я налил чашку, пискнув пару раз – на руку разлил, всё-таки, пусть и две капельки. Всё равно больно. С таким же трудом и издевательствами над собой открыл дверь. Кажется, ещё пусто. Я сел.

«Будто могло быть иначе»

Стало даже немного не по себе. Но дело я сделал. Чайный пакетик, сахар: полторы несложных манипуляции. Я был бы виртуозом по завариванию чая в пакетиках в категории «с пластмассовой ложечкой». Диплома нет, просто. Я для души. Я настоящий спортсмен. И сразу стало как-то полегче. Улетучилось чувство мистического и дикого. Чего-то, что было чужим в комнате моей совести. В каморке, где иногда ночевала жестокость. Её мне частенько подсовывает отчаяние. «Просто приглядеть». А там уж совсем не смешно бывает, потом... Но не будем о грустном.

Ехать мне было ещё часов 12. Успею поспать. Сам толком не уверен, что разберусь, но верить – искренне верю. Не так уж и часто пассажирам дают просыпать свою остановку. Да-

же в такой безбожной глуши. Это совершенно меня не пугало. Пугало, что выбросят на мороз в одних панталонах: ищи по сугробам потом свою коллекцию носков. Я усмехнулся. Вечер выдался очень приятным.

Стук колёс мерно баюкал, костерный свет создавал иллюзию безопасности. Лес не казался сказочным, но красивым был однозначно. Особенно с редкими фонарями, растущими, как цветы, из снежных гор. Как до них вообще доберутся, если прижмёт?

Я медленно прикончил чашку, размышляя на подобные темы. Остывает всё равно быстро, а думать, если хочется, можно о чём угодно. Особенно если едешь к женщине. Да, я не особо скромничаю. Даже хвастаюсь. Но я от всей души, не судите меня строго. Я хочу, чтобы со мной кто-то порадовался. Только так имеет смысл чем-нибудь хвастать, да и она тоже, вообще-то, существовала, как тот, кто был согласен меня видеть. Я за это очень ей благодарен.

III.

Она эту затею, в общем, и выдумала. Новый год прошёл, народ весело гулял среди могил прошедших трехсот с хвостиком, и я был не исключением. Настолько, что было даже немного обидно. Я помню, как ходил кругами по комнате, думая, что порвусь пополам, и тут сообщение:

«Ты приедешь?»

Меня аж из колеи выбило:

«Я? К тебе?»

Поздно понял, что звучит, наверное, немного обидно. Прикусил мнимо язык. Но она была не обидчивой. Она была гораздо страшнее:

«Почему нет?»

«Денег мало, жить негде, а так – с удовольствием бы» – слово в слово. Очень расстроился, что сейчас придётся расстроиться. Но, к моему удивлению,...

«Приезжай»

Я хотел задать три сотни глупых вопросов. И столько же сверху, для ясности. Но, почему-то, вместо этого, молча, полез в кассу и вежливо поинтересовался, когда она захочет меня терпеть.

«Когда угодно. Мой номер ты знаешь. Но постарайся днём. Ночью у меня свои дела»

И ближайший поезд
нашёлся в ночь на второе число.

Я очень интеллигентно провёл день первого – билеты были куплены в ту же секунду – со всеми поговорил, наплёл, что, как всегда, занят невероятно (занят я не бывал никогда и все, наверное, об этом догадывались) и наострил лыжи на Курский. Мой походный набор больше напоминал багаж обречённого – вид у меня был ещё хуже, но, не без труда, я уже сидел в вагоне, который отчаливал в ночь, длительно-стью двое суток, чуть-чуть округляя.

Так я и оказался здесь. Сейчас. В конце первого дня пути. И уже засыпая. Свет я естественно не погасил, чай не допил и уснул в том самом балахоне на смех высокому обществу и без одеяла – зато спал крепко. Все добрых шесть с половиной часов.

IV.

Открыл глаза. В этой стороне лес, кажется, принципиально был против кончаться – стал ещё ближе и заглядывал мне в окно, облизываясь хвойными ветками. Чудесное было утро.

Я не без удовольствия поднялся и потянулся. Сидя, само собой. Хотя пробежаться вдоль поезда туда и обратно,

чувствую, не повредило бы. Даже в таком виде и даже если бы пришлось делать это по крышам. Точно бы больше взбодрился. Я огляделся – было бы на что. Всё та же прозаическая картина пустого купе в обнимку с пляшущей ложкой, но в утреннем свете оно казалось более воодушевляющим. Очень жаль, что мне не приснилась таблица Химических элементов именно этой ночью – обстановка к записи очень располагает. Так что пришлось повторить вчерашний порочный круг и решить, что открыть: книгу, ежедневник или телефон. И потому как обстановка располагала к пассивной деятельности – первое с третьим, пока что, пришлось посадить на задний ряд. А на сцену, из среднего отделения, выполз, всё-таки, именно ежедневник. Я открыл страницу, посвященную, разумеется, ей.

В моём ежедневнике бывает, на самом деле, много всего. Рисунки, сочинения, напоминки, стихотворения или даже просто наклейки без цели и стыда. Но страницы о ней я стараюсь держать в стороне от общего сумбура, поскольку верил – она, хотя бы, существовала. Так долистал до пометочки и прочёл:

«Стереотипы о Лекси и разновидности правды о ней»

Здесь были мелкие наброски о том, что мы говорили, что я запомнил о ней. Чаще – просто урывки, понятные мне одному.

«Я ненавижу тебя, потому что ты заставляешь мне задумываться»

«Ты такая редкая сволочь, что даже приятно»

«Извини, я не хотела тебя обидеть...»

Последней фразой восхищаюсь иногда до сих пор. Если придёт настроение. Мне захотелось написать что-нибудь новое. О ней. И я решил дать волю рукам:

«Я её решительно не понимаю. Мы даже толком и незнакомы. Или меня попросту обманули? Не верю. Девчонок я знал много. А билеты на поезд посреди ночи покупаю впервые. Значит здесь точно что-то не так. Что-то очень непростое творится в голове у неё. Здорово, конечно, что сооразил назад билетов не брать – выкручусь, в случае. Но интрига сегодня сильна как нельзя. Я всё ещё допускаю это за розыгрыш. Она любит это дело. И очень любит меня обидеть, но не могу её не простить. Она не со зла. У неё просто нет выбора»

Я прочел ещё и ещё. Понял, какой отменный бред написал и остался очень доволен собой. Проведя оставшееся время поездки за разными мелочными делами, в глубине души ду-

мая о том, что произойдёт скоро. Пугающе скоро. Практически прямо сейчас. Перед смертью не надышишься, это правда. Но никто и никогда в жизни не оставит попыток этому научиться. Особенно, когда очень припрёт.

V.

Время прошло очень быстро: я был увлечён своими мыслями. Когда о чём-то всерьёз думаешь – не успеваешь за часами. Особенно, когда нужно заранее подсобраться и узнать, как много есть на свете простых бытовых вещей, в присутствии которых ты сомневаешься. Будь то наличие зубной щётки или чувства собственного достоинства, когда всерьёз чуть не потерял первое. В дверях столкнулся с полным дяденькой – теперь это его замок. Почему-то именно его бы, будь моя воля, я сюда не пустил, но, всё-таки, вышел. На вокзал, больше напоминающий расписанную гжелью игрушку. Надо было ей позвонить.

Взяв телефон в руки, гляжу теперь на него так, будто вижу впервые. А в голове крутится:

«Сейчас я приехал в N, без каких-либо гарантий и обсуждений. Полагаясь на случай. На незнакомку. Который теперь нужно ещё и набрать.»

Стыдно вспомнить, сколько я так пропялился на трубку,

пока не взял себя в руки и не нажал на номер. В животе закопошились неизвестные существа, превращающие слово «интрига» в ощущения на стенках моего желудка. На пятый гудок я был близок к отчаянию. На седьмой решил, что готов принять любую смерть из всех доступных, лишь бы это кончилось. На девятый Лекси взяла трубку.

«Тебе опять нечем заняться, и ты дёргаешь великую меня?» – Я не смог бы не улыбнуться, как идиот.

– «Почти в точку. Я тут угодил в пряничный домик»

– «И как оно?»

– «Тётки тут очень мнительные, судя по их взглядам»

«А ещё они едят потерявшихся детишек, как только им исполняется 25: утаскивают в свои грязные чертоги семейного счастья» – и она картаво прорычала, чтобы развеселить не то меня, не то себя.

– «Так всё-таки?..» – спросил я, прервав общее настроение.

«Просто иди вперёд» – сказала она безразлично – «Мальчик ты или кто? Женщина за тебя сама всё должна делать?»

– «Чтоб ты замёрзла от стыда, когда я умру в твоём городе»

– «О, так жарко мне не будет и летом»

– «Дрянь»

– «Придурок»

Пауза.

– «Жду»

И она бросила трубку.

VI.

Первое путешествие в этот город забыть мне будет действительно трудно. Пряничный домик изнутри оказался вполне уютным музеем прошлого века. Вернее, его инфраструктуры с упором именно на вокзальную культуру времени. Ни одного кафе или бистро. Даже ненавистой мне кофейни. Только вокзал и бумажное полотно, на котором указано расписание поездов на ближайшую вечность. Я оценил и вышел, ожидая проблем – направление мне дали весьма

спорное. Но, открыв двери – всё встало на свои места. Улица здесь была только одна. И она уходила вглубь. Вдаль. В тот самый хвойный лес, который так жадно присматривался ко мне ещё в поезде.

Я пошёл вдоль дороги среднего пошиба, оглядываясь во круг. Не раскрывая рта. Как глуповатая версия Юлы – её младший брат с синдромом Дауна. Все дома в городе были двухэтажные. И почти каждый – имел во дворе деревце или два. Где-то проскочила школа, баскетбольная площадка, магазины, не имеющие ничего общего с реальностью. Хотя карты, как оказалось, там принимают. Даже ресторанчики здесь; что видом, что ценами излучали свою маленькую независимость. Маленькую, как и весь город. Но, при этом, проходя мимо кафешки с названием «Барри Уайт», телефон ухватился за хвост домашнего интернета для посетителей. Здесь не было ничего резонного. Только личное. Я сразу оставил попытки приравнять город к какому-то образу. Он был такой, каким он запомнился себе сам. Изредка покупая себе новые платья, чтобы не отстать от времени насовсем (да, я про интернет и прочие прелести).

Главная улица кончалась квадратом, но вперёд уходила маленькая прочищенная дорожка. Очевидно, Лекси в меня верила. Постараюсь её не разочаровать. И я полез сквозь снежные заросли.

Густые двухэтажные домишки пришлось расталкивать. Они очень плотно столпились вокруг меня, загораживая мне

путь: то деревьями, то жильцами с колясками, то ещё какой бытовой агрессивной действительностью. Но не могу не признать – бардака не было. Дома выглядели так, словно иногда они уходят со своих мест и точно знают, куда им нужно вернуться – чтоб с утра не поймали.

Я с любопытством оглядывал величие редких террас и прудов между ними, пока не наткнулся на одну огромную террасу, похожую на стопку книг. Этот дом был в самом конце. Мне даже набирать не пришлось. И так всё было понятно. Подъезд был открыт. И я даже не успел распереживаться – спасибо тебе, Лекси. Ведь ты уже стояла там, выше, на втором. Распахнутая дверь струилась тем же магическим вагонным светом. Который падал на тебя. На твой голубой свитер, фиолетовые штаны, каштановые длинные волосы и лукавые глаза. Она очень старалась строить из себя вальяжную хозяйку, оперевшуюся на перила. Но её глаза выдавали. Она была так рада меня видеть, что даже губы с трудом сдерживали её надменную ухмылку. Но это мог заметить только я. Только я так умею. Ничего личного.

«Хорошо прогулялся?» – она очень старалась не улыбаться.

«Чудесно» – я был обескуражен.

«Не сильно спешил, смотрю. Приехал к девушке, а влю-

бился в её город? Ты именно та сволочь, которой я тебя запомнила»

«А ты именно та злостная стерва, которую я себе представлял» – я быстро нашёлся и стал подниматься.

«Спасибо, я польщена» – она немного откинула голову.

«Это не отменяет того факта, что ты злостно пустишь меня в свое логово и коварно предложишь мне чаю» – я уже вернулся в повседневный тон.

«А если нет? Я больше тебя не люблю. Мы расстаёмся» – она надменно махнула головкой. А я ей удивлённо сказал:

«Мы с тобой ведь и видимся в первый раз...»

Есть вещи, к которым я в жизни не смогу привыкнуть. Одна из них – тот факт, что я очень забавный, когда искренний. И сейчас я позволил себе сделать на своем лице самое натуральное удивление, ведь я действительно был удивлён. Сколько раз в жизни вы приезжали к человеку, с которым способны общаться, как с кем-то до боли знакомым и ценным? Просто вы не виделись целую вечность. Всего-то. Подумаешь, мелочь какая. А ещё вы совершенно не знакомы совсем. И стоило мне на секунду расслабиться... Как она

рассмеялась. Аж за живот держаться пришлось. Я закатил глаза и наигранно обиженно слушал, как её смех разлетается по лестничной клетке. Выходит, на улицу. Бродит по закоулкам душ, его слышавших. Он звучит так, будто она не смеялась очень-очень давно. Может быть с тех пор... Как мы в последний раз виделись...

Она, недолго думая, повернулась ко мне спиной и важно пошла внутрь светлой квартиры, выведя меня из транса её смеха совершенно обидной и идиотской фразой:

«Заходи уже, не заставляй меня ждать, когда поумнеешь, придурок»

И я пошёл за ней, отметив, что иногда улыбку действительно можно услышать.

Девочка с синими волосами

Я был знаком всего с одной из них – и мы вдрызг разругались. Я человек – она нимфа. Звучит очень естественно. Но ни дня я не прожил в покое с тех пор. Ни дня не забывал наших посиделок и путешествий. Её диковинную эмоциональность, свою диковинную терпимость. Ненавижу эмоциональных людей, мне самому тесно. А её я почему-то любил. С таким бардаком трудно жить дальше. Она теперь уже чёрт знает где, а мне до безумия хочется знать, почему. Это, знаете, как влюбиться в девочку с обложки. Только вполне живую и осязаемую – всего-то разницы. Всего-то...

...

Не могу вспомнить, что меня конкретно взбесило в этот раз: чужая причёска или взгляд, дуновение ветра в лицо? Я давно уже не интересуюсь. Тут главное бодро и быстро – и как можно дальше. Думаю, эту пару переживут как-нибудь без меня. Я всё равно понятия не имею, на кого я учусь. Что изменится, узнай я это в подробностях? Ничего. Так что зелёный свет, сегодня снова сходим с ума. И обязательно в «клетке».

Клетка – это бетонное здание, примерно, о трёх этажах, принадлежавшее, сперва, какому-то богатому выскочке – он

планировал открыть собственный бар перед институтом. Парень сечёт фишку. Но тут начали умирать люди, он забоялся, дал заднюю и, пока что, оставил это место на съедение подросткам. Хотя я здесь почти никого и не вижу. Говорят – это место пахнет смертью. И этот запах чувствуют все: и люди, и животные. Но, как по мне, чушь собачья, наверняка по ночам здесь кто-нибудь лазает, положив руку своей подруге на задницу, а не рисуют – потому что собственность частная. Совсем. Нигде. Даже ни одного пьяного штриха. Кроме, разве что... Но, хэй, это не в счёт. Сейчас поймёте, о чём я.

Я забрался на самый верх, где третий этаж на три четверти состоит из пола и только одна из них занимает кубик комнаты, по всему судя – для диджейского пульта. Знатная бы вышла харчевня, но я не жалуюсь. Тут было бы много людей. И, опустившись на незагороженный край, свесил ноги – было не высоко и совершенно не страшно. Вид уходил на двухэтажный город с шестиэтажным строительным вузом, чёрт бы его побрал. Но красота... Я любил обедать здесь в компании девушки с синими волосами. Нарисованной на стене.

Она тут, наверное, с тех самых пор, как строители в ужасе окрестили место «скотобойной клеткой»: народ у нас очень впечатлительный и, слава Кеттари, я не такой. Думаю, она запланирована, как арт-объект, так до ума и не доведённый. Нет, о чём разговоры – она прекрасна и так. Поза, к тому же, горячо мной любимая: в даль, затылком к художнику (она

носила каре), прячущая руки в рукава, разбросанные острой подковой относительно тела, в пачке и чулках. Хоть в музей вырезай. Моя реальность не поспевает за искусством. Я глядел на неё, потом на город, потом снова на неё, потом на ВУЗ и опять, пытаясь отыскать причину и время того, когда и почему всё пошло не так. В какой момент я перестал общаться с людьми? После нимфы? Чушь, я, скорее, теперь вновь подружился со всеми, с кем поссорился из-за неё. Жизнь вообще наладилась с тех пор. А она просто пропала. И я, выходит, пропал вместе с ней. И мне это нравилось, по какой-то причине. Если ещё был тот – кому что-то могло нравиться.

Я взял фломастер и написал под ней:

«Тебе одиноко?»»

И резко встал, пошёл прочь. Меня давно подмывало это сделать, давно хотелось что-то у неё спросить, но я же не идиот – понимаю, что так она меня не услышит и всё думал, насколько легко, в случае чего, меня найдут по фломастеру. Очередная глупая мысль. Но это моя глупая мысль. Никому не дано права её судить. И поэтому я так заспешил. Вдруг кто-нибудь видел? Хочу нарваться на него сразу же. И зачем-то обернулся: раньше я с ней не прощался. Но в этот раз, как будто, был повод. Я не стал себе объясняться, просто обернулся. Она обернулась мне в ответ. И я ушёл, провожаемый её взглядом.

...

Когда я проснулся на следующее утро – день слабо отличался от пятницы. Сборы, спуск по лестничной клетке, мысли об одиночестве. Последнее было неестественно, но понятно. Я себя не сильно удивлял. ВУЗ был моим соседом, так что я пришёл на час раньше, как обычно, хоть перед входом часы говорили, что я уже опоздал и проспал пол занятия. Я уже привык. Это случается каждый день. Особенно в выходные. Тогда занятий у нас нет.

И я пошёл гулять по невзрачным коридорам строительного – они все, как один, похожи на бортики бассейна. Разве только с редкими стендами и чертежами/картинами/фотографиями на стене. Так что я не нашёл причин шляться и просто упал против своего кабинета, закрыв сонное лицо руками: будто так можно было проснуться снова дома и опять сюда собираться. Ненавижу. Так что благоразумно поднял лицо и уставился на ряд портретов известных строительных деятелей. Один из них был целиком замалёван белой краской, а на его месте было написано:

«Тебе одиноко?»

Я усмехнулся. Этот дядька раздражал меня больше всех. Так что я решил быть вежливым – не каждый день ради тебя

стирают из жизни противных людей. И написал «Да». Просто и лаконично. И двинулся назад к стене. Упал, попытался оценить это дело со стороны. Но вместо диалога там красовалось:

«Да, тебе одиноко?»

Не припомню, чтобы писал в одно предложение. Попробовал снова, но подробнее: «Да, мне одиноко». И на второй раз там уже было:

«Да, мне, тебе, одиноко»

Я ударил себя по лицу ладонью. Какой я кретин, что сразу не догадался. И начал прописывать по букве алфавит – это было так очевидно, мне было за себя стыдно. И только я вывел букву «Я», надеясь, наконец, на нормальную беседу, как внезапно послышался громких девичий вздох и хорошо мне знакомый звук падающих документов. Это была молодая учительница, в её глазах читался неразделимый с миром ужас. Я сперва в непонимании поднял бровь, а после взглянул на свою писанину.

«Да уж» – утвердил я с удивлением. Немного увлёкся с масштабом. Пытаясь сделать буквы как можно чётче и понятнее – я, наверное, случайно стал писать их и больше. И почти всю стену теперь занимал рукописный красивым по-

черком алфавит и парочку символов. Выглядело интересно, но я сразу же среагировал и попросил тряпку, чтобы не вызывать лишних волнений у окружающих. Хотя себя бы таким поступком я бы испугал куда больше, глянь я на это со стороны. Благо, маркер был вполне смываемый и я быстро управился. Учитель с трудом пришла в себя, посмотрела на меня, затем тихо всхлипнула и, указав мне на руку, убежала, видимо с очередным приступом слёз. Люди слишком чувствительны иногда. На руке у меня всего лишь было написано «Спасибо»

...

Мне даже стало немного жаль бедный Уазик – он весь, сверху до низу, был исписан моим маркером. На колесе было написано «колесо», на дверях «дверь» и так далее. Был бы он живой – наверняка бы обиделся, по ой как многим причинам – сам не люблю, когда меня разбирают по запчастям. Но дело было важное. Где-то под надписью «стекло» появилось:

«А как эта штука двигается?»

Это было трудно объяснить, но я попытался и написал на соседнем, что воздух, при помощи бензина сгорает, машина от этого чихает и на таких чихах она разгоняется,

а дальше – куда отправишь. Она сказала, что ей, наверное, больно. Но я поспорил и сказал, что машина железная и вряд ли что-нибудь чувствует. А она говорит, что она, например, если так подумать, из бетона и красок. На это я ничего не мог сказать. Я только знал, как и зачем машина движется. И девочка с синими волосами не стала мучать меня.

Впервые за все время работы заметил в отражении дядьку, который пристально наблюдал за мной. Думал, всё, попал – было за что уши надрать. Но он постоял и ушёл. Может не его машина, попросту. Но в глазах его читалась эмоция уже мне знакомая. От этого, иногда, становится очень грустно. Я бы ведь мог объяснить, что всё это не шалость и не просто так делается. Что есть вещи, которые по-другому не объяснишь, кроме как порчей имущества. Но разве он мне поверит? Расстроится только. А если расстроится – то точно никогда не поймёт. Поэтому приходится с этим мириться. И стараться не вспоминать, что малюешь, всё-таки, на чужой машине.

...

Гуляя по парку – писать было, в общем-то, негде. Это она могла писать на деревьях и на скамейках. А я не мог. Быстро поймают. Поэтому, если она о чём-нибудь спрашивала, в такие моменты ответ часто приходилось писать на руках, на ногах и теле. Что удивительно, мне даже не приходилось

ничего стирать – оно само потом пропадало. Она говорит, что сама стирает, чтобы я не скрючивался каждый раз. Очень мило с её стороны. Поэтому я даже не отвлекался и в полной мере наслаждался прогулкой. Я по-своему, она по-своему. Это ведь романтично, наверное. Я раньше не гулял по парку с девушкой, болтая обо всём на свете – всегда немного завидовал из-за этого сверстникам. Но не очень сильно. Многие девушки злые. Ужасно злые. И они этого даже не знают. Про парней сложнее. Тут как будто есть непонятный мне общий закон, который я не могу соблюдать, потому что его просто не понимаю. И на меня от души махнули рукой. Все отдельно – я отдельно. И, иногда, поглядывая на эти едкие компашки задумываюсь, а так ли плохо, что я не с ними? И становится как-то спокойнее. А теперь... Я мог наклониться к воде и увидеть там, если у неё есть настроение, стихи:

«Если очень хочешь друга
Не бойся подружится
Если в жизни станет туго
Ты спроси его совет»

И я дописывал на руке, подыгрывая:

«Ради друга, если туго
Должен ты пластом сложится»

И на воде:

«Чтобы друг, в момент тяжёлый —
то же самое в ответ»

...

Как-то, помню, скучая бродил я вечером по дому и думал, чем бы заняться: спать не очень хотелось (обычно наоборот, спать хотелось почти всегда) а девочка с синими волосами читала одну из моих книг. Её это очень увлекает. У неё есть навыки, в этом смысле, мне недоступные. Разве что, иногда, глядя, например, в потолок, на всю его стену я сталкивался с фразой «переверни страницу, пожалуйста». И это меня немного развлекало – любому приятно чувствовать себя особенным для кого-то. Кого-то, кому помочь можешь только лишь ты. Я ушёл на кухню и стал кипятить чайник – что ещё делать, когда делать нечего? Только пить чай. От чая ещё ни разу в моей жизни ничего не случилось. В этом заключается его прелесть. Кто-то любит больше кофе, но кофе, кажется, надо понимать. А чай, наоборот. Как кошки и собаки. Никогда у меня не было ни тех, ни других. Так вот, в процессе заварки на руке обнаружил:

«Чем отличается „холод“ от „мороза“?»

Я попросил предложение.

«...Зима облизывала холодным морозом ветки клёнов, опавших осин...»

Я решил проявить немного воображения и залез в морозильник. Там написал слово «холодно», а мороз объяснил, что это как бы чувство холода, а не холод сам.

«Чем отличается чувство чего-то от того, что оно значит?» – возникла надпись на бедре цыплёнка.

Я призадумался. Вопрос был хороший. Думаю, она это поняла – ощутила, поэтому ждала, и это, как ни странно, и было ответом на её вопрос. Но, к сожалению, объяснить и понять – это то, что сложно одно без другого. Я навернул пару кругов в отчаянии: хотел даже снова пуститься в описания, но вдруг меня осенило. Я пулей мотнулся в комнату и вернулся с синим маркером. Которым снова написал в морозильнике «Холодно». Она поняла. Но, на всякий случай, я ещё написал красным маркером на чайнике «горячо» и болотным, на мусорке, «грязно», хотя, кажется, последнее было совершенно не к месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.